

К 60-летию Игоря Терехова

Игорь Терехов родился в 1951 г. в городе Темир-Тау (Казахстан), детство провел в сибирском городе Ангарске. С 1975 г. живет в Нальчике.

Будучи по первому образованию математиком, долгое время работал в различных НИИ, конструкторских бюро и вычислительных центрах.

Заочно закончил сценарный факультет ВГИКа (мастерская Н. Фигуровского).

С 1988 г. профессиональный журналист. Был корреспондентом «Кабардино-Балкарской правды», зам. главного редактора газеты «Северный Кавказ», собственным корреспондентом «Независимой газеты».

Последние годы работает собственным корреспондентом российского информационного агентства «Интерфакс» по Северному Кавказу. Освещал практически все вооруженные конфликты и чрезвычайные происшествия, происходившие на Кавказе.

Выпустил шесть книг прозы. Литературные произведения публиковались в журналах «Дон», «Крокодил», «Литературная Кабардино-Балкария», «Ковчег», «Дети Ра», «Футурум Арт», «Литературной газете», «Литературной России».

Журналистские материалы под своей фамилией и различными псевдонимами публиковались в газетах «Век», «Независимая газета», «Коммерсант», «Российская газета», «Жизнь», «Интерфакс – АиФ», а также в различных республиканских и региональных изданиях.

Автор сценариев нескольких художественных и документальных фильмов.

Игорь ТЕРЕХОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЛЕТЕ И ДРУГИХ ЯВЛЕНИЯХ ПРИРОДЫ

Не заслужили мы теплого лета.

А. К.

Где это лето?
Где запахи купален,
нагретых желтым солнцем?
Воды жемчужные подвески
на кубках женских тел?
Фигуры волн и ветра?

А вкус вина на берегу
и поцелуи на закуску?
Куда исчезли дачники?
Неужели
те две недели в июне,
наполненные духотой
и инфарктами,
и были макушкой лета?
Если это так,
то на следующих выборах
я буду голосовать за осень!

«Интерфакс», «Манифест»¹, крепкий кофе,
Пробуждение в половине восьмого,
Рюмка вина – салют Смелякову! –
Нонпарель об убийстве в Чечне, –
Долгий путь из Союза к себе.

Из подготовительных тетрадей к «Компендиуму протоколиста»

1

Заснеженная акация напомнила мне сакуру,
стихи Басё и Бо-цзюи.
Последний снег растает в этом месяце.
И долго нам с собакой будут сниться
узоры веток в ветхом свитке неба.

2

Пока в саду нет знаков увяданья,
И юный снег способен притворяться
Незавершенной частью общего пейзажа.
И только журавли, поспешно покидая местность,
С небес напомнят о коварстве и любви.

Бориска и Маруся...
Они поженились в двадцать третьем,
Через год родилась Нила – моя мать.
Потом они стали колесить по стране:

¹ Фильм Душана Макавеева.

построит Бориска завод где-нибудь на Урале,
а Маруся только-только наведет марафет
в служебной квартире,
пора уезжать в Среднюю Азию –
помогать братьям-киргизам
строить новую светлую жизнь.
В моей памяти они впервые возникнут в Ангарске:
Маруся что-то готовит на кухне,
а Боря красным отмечает в газете «Правда»
перлы державной премудрости –
готовится к выступлению на партактиве.
Вечером придут гости – супруги Тищенко,
Донские, Дорошенко, Исаковы и Каганеры.
Будут играть в преферанс и пить
охлажденное Шато д'Икем.
За столом разговоры о Тито,
Хрущёве и нефтехимкомбинате,
вывезенном до последнего винтика
из Германии в сибирскую тьмутаракань,
сюда, в междуречье Ангары и Китоля.
Я засыпаю под музыку вальса «Амурские волны».
Через пятнадцать лет, – как в старинном
романе или традиционном кино, –
та же картина повторяется снова,
теперь уже в небольшом городке
на равнинном Кавказе.
Маруся что-то готовит на кухне,
а Боря на диване читает журнал
«Охота и охотничье хозяйство».
Вечером придут гости – супруги Исаковы
и Дорошенко. Донские остались в Сибири,
Каганеры, по слухам, уезжают в Израиль,
а Тищенко перебрались на Украину,
что вызывает легкую зависть:
гоголевские Кобыляки, Шишаки, Ярьески,
тихий Псёл, расписные хаты
и вишни величиною с детский кулак.
За преферансом разговоры о ценах на рынке,
вкладе Брежнева в нашу победу,
нравах местной больницы и перспективах
коммунизма к восьмидесятому году.
Бориска и Муся...
Милые мои мечтатели и бессребреники,
любители марочных вин, украинской кухни
и коллективных карточных игр,
читатели классики и газет, резонеры,
стремившиеся привить мне хорошие манеры

и любовь к необъяснимому разумом хаосу,
что зовется нашей русской действительностью,
с кем вы водите дружбу в царстве теней?
В какие там игры играете? О чем говорите?
Два гранитных надгробия за одною оградой,
Два кипариса, взметнувшихся в небо.

Love story

Кафе на Лайсвес-аллее. Прохлада собора.
«Лайсвес, – ты говоришь мне, – это свобода!»
Свобода не носить лифчик?
Страхивать пепел в кофе?
Слушать до утра прыщавого идиота?
Прости, но мне казалось, свобода –
Это разыгранная в жизни «лав стори»,
Где мы исполняем роли актеров.
Я ошибался, сорри.

И все-таки только деревья:
Цветущие скалы каштанов,
Божественных пиний утесы,
Монбланы снежных акаций,
И грабы, буки, веди, орех, –
Все горные кряжи, отроги,
Вершины древесного мира
Неизменно дарили покой,
Упоенье и негу, – зимой,
В межсезонье, ночью и летом.

А Вирджиния Вульва лгала
Виртуозно, была холодна,
Равнодушна, спесива. Вечно
Куда-то спешила, бежала,
Летела, скакала, шагала,
Плыла – и дивную Флору, –
Соперницу земнорожденных богинь, –
В упор замечать не желала.

День свободы и печати

Султан листает список новых жен,
Мулат клонит девчонку к поцелую,
Альсест рога готовит для Валера, –

Всяк отмечает эту дату, –
На то он День свободы и печати.

Седьмую сигарету докури,
Возьми такси и поезжай к цыганам.
Потом исподнее смени и, ствол
ТТ засунув в глотку, прохрипи:
«В России нет любви, но был Господь!»

В конце свидания

Однажды в конце свидания,
когда она уже надела платье
и практически возродила
помятую красоту, он аки зверь
набросился на неё и повалил
на пыльный ковёр.

Она была поражена, смотрела
на происходящее как бы со стороны
и только в конце невольно застонала.

Через много лет она вспоминала
тот день с улыбкой.
«Всё-таки он был по-настоящему
влюблён в меня», – думала она,
остужая внучке липовый чай в блюдце.

А его на другом конце света
в солнечные дни вывозили на прогулку
в инвалидной коляске.
И все медсестры чем-то напоминали её.

Улыбка незнакомки

Он заметил её ещё в автобусе
по пути из аэропорта в гостиницу.
Мелькали пляжи, оливковые рощи,
православные храмы исключительно
двенадцатого века
(если верить красноносому gidу),
летние рестораны, кафе, шашлычные,
дачи бывшей партийной номенклатуры,
захваченные полевыми командирами,
ставшими теперь сенаторами и
крупными бизнесменами.

Раскосая сытая машина для плотских утех, казалось, она никого не замечала вокруг, слушала только гида да держала за руку малолетнего сынишку.

Муж отпустил на курорт с ребенком, уверенный, что в этом возрасте мальчик послужит лучшим поясом верности, а здесь по шоссе ночами носятся пилоты Формулы-1, кретин!

«Что ты бормочешь под нос себе?» – спросила юная жена, прикорнувшая у него на плече.

«Так, стихи одного грека», – сказал он.

«Гомера?» – «Какая тебе, в сущности, разница? – Одиссеаса Элитиса!» –

«Какой ты у меня образованный!», – вздохнула юная нимфа и прикрыла ладошкой рот.

Только на седьмой день в холле гостиницы он поймал на себе её тёмный взгляд.

Но поделаться ничего не мог: рядом была жена.

Да и похождения в венецианском стиле были для него уже пройденным этапом.

Снова они случайно столкнулись в своем городе, спустя полгода, перед кассой супермаркета.

Он опять поймал на себе её взгляд, кивнул, а она в ответ неожиданно улыбнулась.

Так улыбались девчонки-отличницы тупым переросткам-второгодникам.

Эта женщина

Мне всегда нравились сдобные женщины, а она вылеплена из песочного теста и напоминает цыплёнка в привокзальном буфете.

Части её ландшафта навевают в памяти картины среднерусской равнины,

а меня всегда влекли горы, утёсы, холмы и другие духоподъемные местности.

И ещё мне очень хотелось, чтобы у моей женщины были роскошные волосы.

В них можно было бы укрыться от голода и мора,
а потом громко крикнуть *urbī et orbī*¹:
«Мир ловил меня, но не поймал!», –
и сразу попасть в сто первый том
«Философского наследия».
А у этой биксы короткие пряди волос
выкрашены в синий цвет. И маленький мальчик
на остановке седьмого маршрута пытается её:
«Ты – дяденька? Или тётенька?».
«Я – *femine fatal*², малыш!», – отвечает она,
отправляя щелчком окурков от «Примы» в урну.
Эта женщина – моя третья жена.
И первая женщина, переживающая
по утрам о бутербродах для меня
больше, чем о собственном макияже.

День рождения Брунгильды

Вот уже и у младшей собаки
появилась седина на носу,
а старшая – всё так же прекрасна
и, как сейчас говорят,
креативна.

Как же они нашу жизнь,
милая Флора,
украсить умеют!

¹ Городу и миру (лат.).

² Роковая женщина (фр.).